

Приложение к книге Владимира Толмачёва "Парадоксы": интервью с Автором

16 августа 2014 г., Минск

Набережная Комсомольского Озера. После прогулки по Книжной Ярмарке (Владимир: "Где бы я ни шёл, книжного магазина никогда не пропускаю!") – беседа на солнечной лавочке у воды...

Тереза Стизорик: Владимир, что является для Вас изюминкой шуточного стихотворения?

Владимир Толмачёв: Парадокс. Когда "начато за здоровье, а кончено за упокой". И небоязнь показать самого себя в комичном ракурсе.

Тереза: Какие человеческие качества и поступки чаще всего вызывают у Вас желание написать эпиграмму?

Владимир: Если человек ведёт себя прилично, он на шарж не напрашивается. Когда вижу явный идиотизм – вот тогда..... Читал у одного психиатра: "Нормы поведения нет, но отклонения от нормы есть". Сатирик – за версту видит эти отклонения. Я не люблю делать людям замечания, придерживаюсь поговорки, приписанной Архилоху: "С недостатками – борись, с людьми – живи дружно". И когда вижу то, что нелепо и неприемлемо, с критикой не пристаю, но пишу для успокоения души.

Тереза: Профессия дирижёра помогает Вам слышать музыку стиха?

Владимир: Безусловно.

Тереза: А поэзия, в свою очередь, оттачивает музыкальный слух?

Владимир: Думаю, да. Музыка всегда рядом с поэтом. А чувство ритма – всегда рядом с каждым человеком. Чем лучше оно развито, тем успешнее человек в жизни. Замечал, что все впечатлившие меня великие люди – обладали прекрасным чувством ритма.

Тереза: Может быть, Великие – наделены особым умением улавливать музыку своей личности?

Владимир: Уверен! И также – окружающую музыку...

Тереза: Они умеют и настраиваться, и настраивать...

Владимир: Вспомнился афоризм Шарля Мюнша: "Когда расходятся муж и жена, это драма. Когда расходятся хор и оркестр – это трагедия".

Тереза: Приемлема ли для Вас шутливая форма лирики?

Владимир: Конечно, да. Потому что если слишком серьезно относиться к любви – то сразу уж вешаться.

Тереза: В смысле, силы собственных чувств нельзя вынести без доли самоиронии?

Владимир: Не обязательно так. Но в *ненадуманной*, реальной любви – всегда есть место улыбке. Всё то в любви, что *сверх*, потом выходит боком. Юмор – защита от этого. И мне бы очень понравилось, если бы моя любимая женщина писала мне не оды, а эпиграммы.

Тереза: Есть ли тема, на которую Вы никогда не стали бы шутить?

Владимир: Не стану шутить о смерти. Нет, не совсем точно. О гибели реального человека, вот так. По поводу Смерти как явления – шутить смог бы. Шутки о смерти, отгоняющие страх смерти, бытуют в народе испокон веков. Этот защитный смех – абсолютно приемлем для меня. И какие-то забавные зарисовки с натуры, когда ты не иронизируешь над происходящим, а передаёшь реальность.

Тереза: Забавные зарисовки о смерти?

Владимир: Я могу привести пример. Мне довелось присутствовать на похоронах, когда всей деревней хоронили отпетого буяна, колотившего жену и детей и изводившего соседей. Вдова его не могла поверить своему счастью – неожиданному освобождению от мужа-изверга. И стоя у гроба, она с трудом прятала от окружающих свою радость. Мать её умершего супруга – шепчет ей: "Настенька, не смейся, поплачь, поплачь". И вот Настенька – добросовестно, в голос: "Ах, любименький, родненький мой, на кого ж ты меня покинул?!" На полуслове бурных причитаний – оборачивается к свекрови и спрашивает: "Так?"

Ситуация, в которой оказалась та семья, была трагичной, и момент этого Настенькиного "так?" был не комичен, а трагикомичен, но вспоминая эту сцену – я улыбаюсь, и как Рассказчик – могу поделиться воспоминанием, это допустимо...

Вообще, на самые острые для человечества темы – очень сложно высказаться осторожно, острое – всё равно останется острым. Речь не только о юмористическом высказывании – о любом. Здесь не уследишь, всё равно возникнет иносказание, всё равно кто-то будет задет... И это не значит, что на некоторые темы – говорить вообще нельзя. Но я не верю в творческую вседозволенность как таковую. Полная свобода творчества – абсурд; свобода – только тогда свобода, когда она ограничена. Вся история цивилизации – это процесс разумных ограничений. А когда человек уверен, что может говорить что угодно, потому что он – "свободен", на самом деле – он просто хам.

Тереза: Как Вы реагируете, узнав, что ранили Читателя шуткой?

Владимир: Жалею. Жалел бы. Но если кто-то и ранен – ещё никто не признался. Может, потому, что круг читателей – умный. *Умного человека – шутки не ранят.* Хотя и "дурак" – понятие относительное...

Тереза: Как не допустить, чтобы сатира стала недоброй?

Владимир: Ну, вообще-то, сатира *должна* быть немножко злой, иначе она не сатира. Она должна уколоть. Если человек вообще не почувствовал укола, значит, эпиграмма не удалась. А чтобы уколоть *не больно*, юмор должен быть *тонким*. Ещё могу сказать, что свои адресные эпиграммы – лучше читать Адресату *лично*, чтобы реакция была адекватной. Тогда человек будет видеть твоё *отношение*, слышать твои *акценты*. При этом не только Рассказчик – должен вести себя тактично, и Слушатель также. Если тебе не понравилась шутка, имеешь ли ты право на скандал? Нет. Здесь тоже надо иметь достоинство.

Тереза: Если бы человек, чьё мнение Вы цените высоко, мог подарить Вам только один Ваш стихотворный портрет: серьёзный или шуточный на выбор, – какой Вы предпочли бы?

Владимир: Шуточный. Потому что, если серьёзно к себе относиться, лучше не довольствоваться чужими одами, а скопить денег и поставить себе памятник самому.

Тереза: Какого комедийного персонажа Вы себе напоминаете?

Владимир: Хотел бы напоминать себе хитрого бравого солдата Швейка. Он представлен как эдакий полудурок, но у него серьёзная подкладка. А тебе я кого напоминаю?

Тереза: Короля из "Обыкновенного Чуда"! Которому "то ли музыки и цветов хочется, то ли казнить кого-нибудь".

Владимир: Внешне тоже похож... на Леонова...

Тереза: Который из Шекспировских шутов Вам наиболее близок?

Владимир: Король Лир. Наивный, выживший из ума старик. Он мне близок потому, что он – благородный шут. Быть благородным – это само по себе преступление, а быть благородным шутом – вдвойне. Заплаканный шут, осмеянный безумец. Ранимый.

Тереза: Но не такой беззащитный, каким кажется. Сильный, даже когда от души остались клочья.

Владимир: Там же, в "Короле Лире", нравится остроумие Кента. "– Сколько Вам лет, Кент? – Я не настолько молод, чтобы полюбить женщину, и не настолько стар, чтобы увлечься ею без всяких причин".

Тереза: Кто Ваш любимый писатель-сатирик?

Владимир: Вольтер. Бернард Шоу. Антон Чехов. Аркадий Аверченков. Много у Игоря Губермана: тот стиль, когда ирония – это не просто ирония. В юности не расставался с книгой Маяковского, так и ходил с ней под мышкой. Чем становился старше, тем дальше от Маяковского отходил, сейчас уже равнодушен. Да, ещё Марк Твен: нравится разнообразие его сатирических приёмов, которого так не хватает большинству современных авторов. И, конечно, Марциал, с него надо было начинать.

Тереза: Мой любимец...

Владимир: Марциал – это *весь спектр* юмора, богатейший спектр!

Тереза: Ваша любимая кинокомедия?

Владимир: "Двенадцатая Ночь" в советской экранизации.

Тереза: Та, что с Кларой Лучко?

Владимир: Да, да. Могу назвать и нелюбимую: "Весёлые ребята". С буффонадой там явно перегнули палку.

Тереза: Чувство юмора – обязательная составляющая высокого интеллекта?

Владимир: Конечно. Не то что обязательная – *фундаментальная*. Потому что чувство юмора – это чувство отрицания, а интеллект – без отрицания не состоится.

Тереза: Без отрицания как выбора?

Владимир: Без отрицания как сомнения. Но не бесконечного сомнения, иначе это идиотизм.

Тереза: А каковы составляющие самого чувства юмора?

Владимир: Любовь к объекту юмора, беспристрастность к объекту сатиры, желание сделать близкому приятное – хотя бы развеселив, вера в преимущество доброго перед злым. А если человек сам читает свои произведения на публике, то – артистизм.

Тереза: Вы верите, что у каждой страны – свой национальный юмор?

Владимир: Верю. Когда служил в других странах, не раз в этом убеждался. По реакции людей сразу понимаешь, какие шутки – *местные*, какие – нет.

Тереза: И какая "национальная" ветвь юмора – Вам понятней других?

Владимир: Древнеримские латинские поговорки. Моё. Обожаю английский юмор... Русский юмор – великолепен тем, что собрал в себе юмор всех стран.

Тереза: Дайте определение удачной шутке.

Владимир: Незатянутая и уместная.

Тереза: Как понять, будет ли шутка уместной?

Владимир: Такое чувствуешь. Поэтому – не идти против своего чутья. А вопрос тонкости чутья – это вопрос общей культуры.

Тереза: Принято делить поэзию на шуточную и серьёзную. Сатирические произведения могут относиться к серьёзным?

Владимир: Я так считаю: шуточная поэзия – это самая серьёзная поэзия, потому что, читая её, всегда понимаешь, о чём идёт разговор. Не о всех произведениях, написанных "всерьёз", это скажешь. Тем не менее, не нужно равнять, скажем, Достоевского и Аверченко, они хороши каждый по-своему. Вообще, если говорить о серьёзности, любая жизнь для меня серьёзна, в том числе – *литературная* жизнь. Несерьёзной жизни – не бывает.

Тереза: Каково, по-Вашему, идеальное процентное соотношение души Пьеро и души Арлекина в Сатирике?

Владимир: 99% Пьеро, 1% Арлекина. Ведь над Арлекином – никто не смеётся, он – шут без души. Вот Пьеро – шут с душой, а это всегда смешно. Арлекин – лезет вон из кожи, чтобы "сделать смешно", а Пьеро – смешон по своей природе.

Тереза: Вы замечали, Ваше чувство юмора меняется с годами?

Владимир: Скорее всего – нет. Чувство юмора – это какая-то постоянная величина, тем более – если оно, как у меня, наследственное. Меняются – *объекты* юмора. Но их не выбираешь, "приплывают" сами... В какой-то период – было больше *информационных* поводов к творчеству, в какой-то – больше *наблюдательных*...

Тереза: Умение взглянуть на вещи с улыбкой – служило Вам утешением в трудные времена?

Владимир: Утешением?.. Нет... да и помощью не служило. Это момент психологического отвлечения. Возможность на время забыться. Но это как не спать, а делать вид, что спишь.

Тереза: Вы помните шутку, которая вызвала у Вас не смех, а слёзы?

Владимир: Если что-то вызвало у меня только слёзы – значит, это была не шутка. Смех сквозь слёзы – это да, но всё равно – смех. Поплакал, поплакал – потом улыбнулся. "И ничего не разрешилось / Весенним, бурным ливнем слёз" (А. Блок). Иногда хочется слёзы прикрыть смехом. Не смеяться над слезами, а смехом прикрыть их.

Тереза: А как насчёт моментов, когда не знаешь, плакать или смеяться?

Владимир: Случаются. Как говорил Окуджава, "ведь что-то делать надо, хоть неизвестно, что".

Тереза: Расскажите Ваш любимый анекдот.

Владимир: К старому, известному своей мудростью раввину приходят двое и просят разрешить их спор. Выслушав обоих, раввин говорит первому: "Ты прав". И второму: "Но и ты тоже прав". Когда они уходят, довольные, жена говорит раввину: "Не может такого быть, чтобы они оба были правы". "Ты права, жена", – отвечает раввин.